

Из истории Новгородской прессы

ОНА И ПО СИЮ ПОРУ полностью не раскрыта — эта история, если не считать коротких заметок, которые иногда появлялись в нынешних новгородских газетах. Возможно, кто-нибудь и скажет: а стоит ли заниматься этой историей? Но давайте задумаемся, как она нам нужна — периодическая пресса. Какая глухая тишина наступила бы, если вдруг не стало бы ни газет, ни радио, ни телевидения. А что делается в Москве, в Петербурге, в Китае и Аргентине? В пушкинскую пору об этом узнавали через месяц, а то и через год, хотя уже были и газеты, и журналы. И какие только слухи не ходили...

В связи с этим стоит сказать, что дореволюционный Новгород отнюдь не был таким уж серым провинциальным городом, каким его иногда представляют. В самом деле, далеко не в каждом губернском центре были тогда собственный театр, три библиотеки, два кинотеатра. А по числу выпускавшихся здесь газет и журналов он входил в первый десяток российских губерний. Их было не меньше, чем теперь. «Новгородские губернские ведомости», «Новгородские епархиальные ведомости», «Новгородский листок», «Волховский листок», «Вестник новгородского земства», «Ильмень», «Новгородская неделя», «Страж», «Гусельки яровчатые», даже «Криминалист», — в общем всех не перечтешь!

Одна из самых интересных газет начала выходить 85 лет назад, в 1909 году. Называлась она «Новгородская жизнь» и была весьма демократичной по содержанию, хотя и выпускалась в пору после поражения революции 1905—1907 гг. Это тем более необходимо отметить, что тогда даже передовые слои интеллигенции были заражены настроением безнадежности, пессимизма, бежали от общественной жизни в мистику, эзотику и модным был лозунг, провозглашенный одним из героев романа Леонида Андреева «Тьма»: «Если нельзя победить тьму, так погасим и последнюю свечку».

Уже один из первых номеров газеты отмечает этот поворот в настроении некоторых общественных кругов: «Молодежь теперь не увлекается кружками самообразования, круг ее развлечений — танцы, вечера, теперь цирк, что более поощряется со стороны учащихся, чем увлечения саморазвитием, как в былые времена (лет пять тому назад)... Приезжают в Новгород музыканты, певцы, лекторы, и никогда не соберут столько публики, сколько ее привлекает пресловутая борьба, по характеру своей дикости сходная с боем быков в Испании».

Газета не печатала славословий в адрес царя и его установлений, которых было довольно в другой местной газете — «Волховском листке». Зато довольно остро писала о постановлениях новгородского земства, городской управы, разных государственных и общественных учреждений. Не чуралась она и сообщений о «беспорядках», имевших место в крестьянской среде. Так, в статье «Сопrotивление властям» (12 января 1911 г.) рассказывается о том, что в деревне Савкино Коростынской волости Старорусского уезда «произошло 30 декабря сопротивление властям при отобрании у крестьян описанного движимого имущества на пополнение ссудопродовольственной недоимки... Крестьяне отказались ее платить. Сопrotивление крестьян было поспешно прекращено стрельбой в толпу, причем был ранен крестьянин Федор Михайлов 18 лет...».

АРХИВАРИУС

Легко найти в газете интересные статистические сведения, которые наталкивают на выводы о безобразном состоянии сельского хозяйства, промышленности, культуры, народного просвещения в губернии.

«Наша губерния в 1907 году собрала хлебов на 19 337 135 рублей. Выпила же водки за этот год на 7 492 058 рублей, что составит почти одну третью часть стоимости всех хлебов. Другими словами, наша губерния, выражаясь вульгарно, пропивает одну треть своего урожая. А вот на образование народное тратим мы денег куда меньше! Всего-то навсего в нашей губернии в 1907 году на народное образование израсходовано 1 754 453 рубля, что составит около одной четверти нашего расхода на водку».

Весьма примечательны сведения о расходной смете Новгорода на 1911 год, которая складывается из следующих статей: на благоустройство города — 15 тысяч рублей, на народное образование — 21 тысяча, на медицинскую, ветеринарную и санитарную части — 8,5 тысячи рублей, на содержание полиции — 23 тысячи рублей. В другой статье указывается, что право выбора гласных в Новгородскую думу предоставляется лишь владельцам домов, оцениваемых не дешевле 1000 рублей. Но из 24 тысяч населения города лишь 474 человека располагают таким имуществом и «бразды городского правления, — пишет газета, — остаются по-прежнему в руках более обеспеченного класса».

Касаясь вопросов народного образования, «Новгородская жизнь» замечает, что среди гимназического начальства также имеет место сугубо «классовый» подход, определяющий прием учащихся: «Не перевелись еще на Руси типы оригинальных по

складу разума людей. Так, начальница боровичской женской гимназии г-жа Токарская не переваривает «кухаркиных» детей, и родителям их беззастенчиво заявляет: «Мужикам не для чего учить своих детей!» (1911 г.).

Следует однако отметить, что газета призывала воздерживаться от партийно-политической деятельности. Об этом прямо и откровенно сказано в статье «К молодым народным учителям» (1909 г.): «В школе не имеет права жить паразитом политика, и учитель не должен быть никогда в деревне ни неофициальным, а тем более официальным, агитатором от какой-нибудь партии... Партийная, политическая деятельность возможна и плодотворна только там, где уже добыты определенные результаты культуры путем предшествовавшего просвещения и нравственного воспитания народа...».

Газета охотно предоставляла свои полосы толстовцу Владимиру Айфаловичу Молочникову, имя которого теперь достаточно широко известно — о нем были статьи в «Новгородской правде», «Новгородском комсомольце», «Новгороде» и других местных газетах. Поэтому стоит рассказать о другом корреспонденте, сейчас фактически забытом. Впрочем, он был даже ее редактором. Это — Михаил Александрович Рубакин, брат известного русского книголюба, библиографа и писателя Николая Александровича Рубакина, который часто приезжал в Новгород, даже женился здесь и написал несколько книжек, которые и сейчас пользуются спросом.

Что касается Михаила Александровича, — он работал в Новгороде фабричным инспектором, читал в городе лекции, активно участвовал в общественной жизни. В 1912 году писал брату: «Меня высылают на два года под надзор полиции в Вологодскую губернию... Высылают за принадлежность к революционным организациям. Я еду бодро, духом нисколько не падаю и палец о палец не ударяю, чтобы рассылать ходатайства по облегчению своей участи. Нахожу это недостойным и неприличным».

О том, что было дальше, известно немного. Мне удалось разыскать его племянника — профессора, написавшего книгу о своем отце. И вот что он сообщил: «Судьба его (Михаила Александровича) после революции была довольно печальна, она застала его в Пензе, где служил фабричным инспектором. Потом очутился в Сибири, очень бедствовал, писал мне в Париж, где я тогда жил, с просьбой помочь материально, я ему посылал деньги, но ни разу не получил извещения, что они дошли. Еще до революции он женился на местной учительнице, детей у него не было, но он взял девочку, сделал ее приемной дочерью, дал ей свою фамилию. Он жил в Душанбе».

По адресу, который сообщил профессор, я тоже написал, но ответа не было. Так вот и затерялся этот интересный новгородский интеллигент — в подлинном смысле этого слова!..

Владимир ГОРМИН.

А БЫЛ—ДВОРЕЦ

ДОМ-ДВОРЕЦ, сад прекрасный, погода хорошая, — так Владимир Иванович Даль выразил первые впечатления, приехав в Нижний Новгород 145 лет назад статским советником на должность управляющего Нижегородской удельной конторой. В соответствии с чином на проезд от С.-Петербурга до Н. Новгорода (1026,5 версты) он получил прогонных денег на четыре лошади 92 р. 66 коп. серебром.

Дом на углу улиц Б. Печерской и Семашко, в прошлом веке удельная контора, известен сейчас как здание научно-исследовательского радиофизического института. Мемориальной доской отмечено, что здесь В. И. Даль жил и работал с 1849 по 1859 г.

Именно здесь он писал свой знаменитый «Толковый словарь» и полностью оформил первые три тома. А это означает, кстати, что именно здесь впервые дано письменное толкование слова «коммунизм»: «политическое учение о равенстве состояний, общности владений и о правах каждого на чужую собственность».

Вглядываясь внимательно в современный фасад и думаешь: где же тут дворец и где непосредственно на-

ходила квартира управляющего?

Ответить на эти вопросы помогли документы, сохранившиеся в архивах Нижнего и Санкт-Петербурга.

Убедительным доказательством, что это действительно дворец, являются две малозвестные фотографии, одна из которых здесь впервые публикуется.

Анализ различных документов показал, что «угловой двухэтажный, а во дворе с антресолями каменный дом, длинный по Печерской улице на 13 сажень (28 метров), шириной на 8 сажень 2 аршина (18,3 метра), а по другой улице имеется выступ длиной 4,5 сажени и шириной 4,5 сажени (9,5 метров), высотой от земли до крыши 5 сажень 1 аршин (11 метров)», построен в конце ноября 1826 года нижегородским губернатором А. С. Крюковым и записан был на жену Е. И. Крюкову (англичанку, урожд. Манжен, католичку по рождению, принявшую православие с замужеством). В истории декабризма заметный след оставили два их сына — Александр и Николай.

В 1830 г. Е. И. Крюкова продала дом удельному ведомству (то есть он перешел во владение царской семьи) за 55 тыс. руб. ассигнациями.

С 1835 по 1848 г. в

● К 193-летию со дня рождения В. Даля

этом доме жил и работал в качестве управляющего удельной конторой И. П. Бестужев-Рюмин, родной брат одного из пяти казненных декабристов — М. П. Бестужева-Рюмина. С 1840 до 1847 г. во

Рюмина должность управляющего Нижегородским удельным имением, насчитывавшим тогда более 37 тысяч крестьян, перешла к В. И. Далю. Пользуясь дружескими отношениями с министром уделов Л. А.

новскую улицу (современ. ул. Семашко). Подрядчиком этого строительства был Петр Бугров, удельный крестьянин Семеновского приказа, основоположник «бугровских капиталов». Во второй половине пяти-

Крюковой. В бытность В. И. Даля в Н. Новгороде в здание входили с Мартыновской улицы (крыльцо видно на фотографии).

На второй этаж поднимались по парадной лестнице в 20 ступеней с центральной площадкой, «устроенной искусно из дуба, полированной и лакированной». Над парадной лестницей располагался магазин с двумя полуокнами на восток, тремя полуокнами на юг и с особой голландской печью.

Любимое рабочее место В. И. Даля — угловая комната на втором этаже, три окна выходили на север и три окна на восток (сейчас это часть актового зала НИРФИ, а точнее — сцена). В комнате находился камин с большим встроенным зеркалом 1,4×0,7 м в золотом раме. Здесь он встречался с И. И. Пушковым и показывал ему простреленный скюрток А. С. Пушкина, беседовал с Т. Г. Шевченко, молодым Н. А. Добролюбовым. Самым частым гостем был П. И. Мельников-Печерский, и В. И. Даль не без оснований считался его литературным отцом.

Сергей ВОЛОХОВ, историк.

НА СНИМКЕ: дом, где жил и работал В. И. Даль с 1849 по 1859 г.г.

время учебы в Нижегородской гимназии в этом доме жил на квартире у дяди К. Н. Бестужев-Рюмин, вошедший в отечественную культуру как выдающийся историк и один из основателей первого русского женского университета (знаменитых Бестужевских курсов).

От И. П. Бестужева-

Перовским (дедом Софьи Перовской и внуком Кирилла Разумовского — президента Академии наук при Елизавете Петровне), В. И. Даль выхлопотал 12 тысяч рублей серебром и в 1853 году построил удельную больницу. Двухэтажное здание с 17 окнами по фасаду, выходящему на Марты-

десятих годов прошлого века удельная больница признавалась лучшей в городе. Современное здание НИРФИ включает в себя как дом Крюковой, так и удельную больницу, надстроенные и с измененным фасадом.

Квартира управляющего занимала весь второй этаж дома Е. И.